

Таганцев Николай Степанович

**Пережитое: учреждение
Государственной думы в
1905-1906 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Степанович Т.**
Пережитое: учреждение Государственной думы в 1905-1906 гг / Таганцев
Николай Степанович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 122 с.

ISBN 978-5-519-76195-6

ISBN 978-5-519-76195-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

котором будет присутствовать Государыня Императрица Мария Александровна и, может быть, посетит экзамен сам Государь (Александр II); что Государыня, может быть, будет заглядывать иногда и на лекции; что читать я буду три раза в неделю в Петербурге и в два приезда в неделю, но по два часа, в Царском Селе: одну лекцию до завтрака и другую после завтрака; что В. Кн. не будет составлять лекций, а лучше будет, если я после каждой лекции буду давать подробные конспекты, которые будут переписываться. По главной же части моего вопроса — о схеме содержания курса, т. е. о том, под каким углом зрения желательно, чтобы я излагал предмет, исключительно ли теоретически или с практическим оттенком, в пределах русского права или сравнительно с иностранными кодексами, — я в этот раз получил такой ответ: что я на столько опытный профессор, что в этом отношении он вполне полагается на меня. На мой же дальнейший вопрос, что нельзя ли по этому предмету посоветоваться и переговорить с другими профессорами, чтобы быть в гармонии с ними в методе преподавания и размежеваться по соприкасающимся вопросам, он объяснил, что едва ли это можно сделать, так как, напр., Константин Петрович Победоносцев ¹⁾ очень занят и он не может его беспокоить, а с проф. Андреевским я могу лучше переговорить лично; но никаких дальнейших указаний от него я получить не мог. Должен прибавить, что как я убедился впоследствии, это отсутствие заранее выработанного и сколько нибудь последовательно проведенного плана, как было, например, сделано ранее при подготовке безвременно скончавшегося наследника Николая Александровича, лишило в значительной степени всякой разумности наше преподавание: каждый шел своею дорогой. При близком соотношении отдельных частей нашего государственного и уголовного права или международного и уголовного, по одному и тому же предмету получалось совершенно различное освещение, а некоторые даже весьма существенные вопросы оставались вовсе без рассмотрения, в надежде, что это будет сделано другим преподавателем.

Одним словом, это отсутствие плана и системы преподавания специально юридических предметов делало крайне трудным общее усвоение их не только такому не особенно способному юноше, каким был Сергей Александрович, но даже и очень талантливому.

Могу сказать про мою кратковременную деятельность при дворе, что уже почти в конце моих занятий с В. К. я пришел

¹⁾ Победоносцев знакомил Вел. Кн. Сергея Александровича с основами гражданского права и вероятно, с принципами русской государственной политики; с ним я во время моего преподавания Вел. Князю ни разу не встречался.

к твердому выводу, что если бы я знал задачу нашего преподавания и условия, в которых находится тот, кому мы обучали, то по крайней мере на 3/4 я читал бы не то, и не так, как я читал, *потому что совсем не то требовалось* для Великого Князя, в виду его индивидуальных особенностей, и условий преподавания; и той цели, к которой должно было стремиться преподавание, т. е. к подготовке его для будущей административной деятельности.

Как воспитатель адмирал Арсеньев несомненно имел свои достоинства, но еще более недостатков—весьма значительных. Я совершенно не знаю и не имею никаких сведений о том, каков он был как моряк, но с ним, как человеком, ознакомился: как тогда, в 1877 году, так и позднее, когда мы были вместе в Государственном Совете. Он был несомненно честный и порядочный человек. Имел очень видную и красивую фигуру, даже и в преклонных годах. Будучи членом правой группы Государственного Совета, он никогда к клике крайне-правых не принадлежал. По связям, по родству, по условиям первоначальной службы, он принадлежал к придворной группе, и, конечно, этот придворный лоск и эти отношения, а не какие-либо педагогические качества определили выбор его Государынею в воспитатели. Никаких талантов или выдающихся способностей он не проявлял; воспитанников своих, особенно Сергея, несомненно любил; ничему дурному он не потакал и, я думаю, никаким их порокам, которые, может быть совершенно ложно, приписывались одному из них, всеконечно, не потворствовал. Он требовал от них не только соблюдения внешней дисциплины, которую, по моим воспоминаниям, всего более нарушал младший—Павел; требовал от них не только корректного, но даже предупредительного отношения к преподавателям и к низшим дворцовым служителям, с которыми они соприкасались, не говоря уже об их дядьках, и в этом отношении, как мне казалось, он достиг хороших результатов, в особенности по отношению к Сергею, который по природе, кажется, был мягче и податливее. Как отписался к нему Великий Князь Павел Александрович я ничего сказать не могу, так как я с ним не занимался; встречались мы с Павлом Александровичем не каждый мой приезд, да и то мимоходом. Но мне и тогда казался Павел более властным и более гордым. Как мне говорил преподававший им обоим физику и, кажется, математическую географию, Константин Дмитриевич Краевич, автор общепознатого учебника физики, человек не только высоко-порядочный, но и большого ума и наблюдательности, Павел был несомненно способнее и талантливее. По словам Краевича: воспитательное дело молодых князей было поставлено необыкновенно сумбурно,—но чья это вина: адмирала ли Арсеньева или общего

склада придворного быта, он сказать не мог, и прибавлял, что у него иногда являлось желание совсем отказаться от преподавания, а между тем, я хорошо знаю, что князя очень ценили и уважали его и о его преподавании говорили мне не раз почти с восторгом.

Доказательство малой продуманности в ведении дела преподавания пришлось испытать и мне лично. Я уже привел крушение моего желания поговорить с другими преподавателями; другие доказательства по отношению ко мне приведу далее, а здесь позволю себе указать на такой педагогический курьез. Как-то месяца через два после начала моих чтений я столкнулся с известным нашим ботаником проф. Андреем Николаевичем Бекетовым, бывшим ректором нашего университета. Он выходил от Сергея Александровича, после прочтения ему лекции по ботанике. Я, конечно, этому весьма удивился, но потом все объяснилось с придворно-воспитательной точки зрения просто. Бекетов должен был читать этот предмет два года ранее, в связи с другими естественными науками; но так как оказалось, что ему тогда почему-то читать было нельзя, а между тем высочайше было указано пригласить для чтения ботаники Бекетова, то Арсеньев отложил ознакомление своего воспитанника с этим предметом на будущее время, и так как общий курс, так сказать, гимназических предметов был уже закончен, то он поступил совершенно просто—пригласил Бекетова заниматься ботаникою на специальном курсе, на ряду с юридическими предметами.

Юридические предметы занимали главное место в специальном преподавании, но вовсе не были исключительными. Напротив того, Великий Князь слушал одновременно и военные науки,—какие именно точно сказать не могу, по ему их читали—проф. Академии Генерального Штаба Леер, генерал Николай Афанасьевич Демьяненко¹⁾ и еще кто-то. Независимо от этого, он продолжал слушать курсы литератур. Но это отдел занятий теоретических, а был еще разряд занятий, так сказать, практических; они заключались в приемах разного рода депутатов и лиц. Таковые приемы происходили почти ежедневно и брали не только много времени сами по себе, но и требовали особой для того подготовки. Великому Князю целая касса спе-

¹⁾ Воспоминания Д. С. Арсеньева, стр. 569. „Что же касается курса военных наук, то тактику и стратегию читали генералы, Г. А. Леер и Михаил Иванович Драгомиров; военную статистику генерал П. Л. Лобко; фортификацию профессор генерал Кюн и артиллерию Н. А. Демьяненко. Великий Князь Сергей интересовался этими науками и занимался очень добросовестно; но любимой его наукой была история“. Читал историю обоим князьям еще при прохождении ими гимназического курса профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, а потом был выписан из Москвы на всю зиму 1876—1877 гг. наш знаменитый историк С. М. Соловьев.

циальная репутация предстоящего приема. Ему объяснялась не только сущность того, о чем будут просить или что будут говорить представляющиеся, но давались особые объяснения о том; каково социальное положение представляющихся, о чем следует примерно спросить их или говорить с ними,—оттого представлявшиеся уходили под впечатлением не только доступности и любезности Князя, но и обширности его ознакомленности с тем, что каждому из представлявшихся было лично дорого, приятно, и очень знакомо, они выносили не только прекрасное мнение об отзывчивости князей, но и об обширной их ознакомленности со всеми сторонами русской жизни. Отсюда же вытекало известное правило обще-дворцового этикета, что представляющийся должен отвечать только на то, о чем его спросят, но не быть совопросником. От того при дворе считалось, что только люди, не имеющие понятия об этикете, или буйно неуправляемые, могут брать на себя активную роль при подобных представлениях; активное участие посетителя в беседе несомненно могло бы поставить принимающего в весьма затруднительное положение и, во всяком случае, лишало бы прием надлежащего блеска. Вот преподавание этой житейской дипломатии и было специальностью Арсеньева, и составляло главный козырь его педагогической приспособленности.

2. Ход преподавания.

И так началось преподавание. Подарило оно меня многими и неожиданными сюрпризами, но в общем оставило по себе хорошее впечатление.

Приготовлялся я к первой лекции весьма тщательно, обдумал ее, конспект написал также обстоятельно, даже каллиграфически прилично, несмотря на мой, причинявший много горя в былые время наборщикам почерк. Обстановка чтения была самая простая. В небольшой классной комнате В. Кн. Сергея; присутствовал только Арсеньев, да был я с Вел. Князем. Волнения я никакого не испытывал, что иногда с новыми преподавателями случалось, как, например, с известным Владимиром Павловичем Безобразовым (впоследствии академик), который читал весной 1878 г. Сергею политическую экономию и финансы, и про которого мне Арсеньев, смеясь сообщал, что первая лекция была пресмешная, так как профессор в течение лекционного часа раза три вскакивал и убегал. Но за то меня после лекции, не помню первой или второй, ожидали два неожиданных сюрприза: один был формальный, но весьма существенный. Арсеньев сообщил мне что мои чтения должны быть устроены так, что половина будет чтением вперед, а другая половина будет занята спрашиванием пройденного; что при

этом я могу убедиться, что усвоено Вел. Князем и что им не понято; что я должен ставить, сообразно с его ответами, баллы, возможно строго оценивая его успехи, и что еженедельно баллы, получаемые В. Князем из всех предметов, представляются Государыне. Мера эта, которая обращала лекционную форму преподавания в урочную; с точки зрения усвоения слушателем проходимого была, конечно, полезна и более принаровнена к общему развитию ученика, но она на половину сокращала все время, предназначенное не только для ознакомления, но и для усвоения обширного предмета, так что весь курс должен был быть пройден не в 80—90 часов, как было мне первоначально указано, а в 40—45 часов, что сразу сбивало мою распланировку предмета. Другое указание было еще мудренее для исполнения. Несколько конфузясь, Дмитрий Сергеевич сказал мне, что усвоение прочитанного мною очень затруднило Сергея, что ему трудно было запомнить то, о чем я читал, и усвоить то, что было прочитано. А в этом отношении, конечно, вступление и общие принципы учения о преступлении и наказании, которые составляли содержание первых лекций, изложенные в отвлеченной и сжатой форме, представлялись трудными для усвоения. «Нельзя ли пояснить и иллюстрировать.—продолжал Арсеньев,—изложение практическими примерами, в особенности из больших процессов». В непригодности принятого мною доктринального отвлеченного метода я и сам убедился при первом же спросе Великого Князя из пройденного. Я обещал Арсеньеву, что я совершенно изменю и упрощу мой способ изложения, но на мои дальнейшие вопросы: можно ли ограничиться только теоретическим изложением, как общих начал о преступлении и наказании, их структуры, а равно и обрисовки отдельных родов и видов преступлений, или же нужно придерживаться действующих законов; нужно ли оставаться в пределах настоящего или знакомить и с прошлым, т. е. с историческим развитием понятий; можно ли держаться только рамок отечественного права или же касаться и главнейших по крайней мере законодательств Запада,—я получил совершенно дилетантский ответ, что совершенно необходимо и то, и другое, и третье, но что я такой опытный, и т. д., и т. д. Тогда я с грустью понял, что я взял на себя непосильную задачу, и что я едва ли чего-нибудь достигну с моим преподаванием. Очевидно, надо было начать с того, чтобы написать кратенький абрис общих начал и системы уголовного законодательства, какие встречались в популярной французской литературе уголовного права, а не давать В. К. Сергею систематический и краткий учебник уголовного права, какие в значительном числе были в Германии. Но у меня не хватило храбрости сделать так, как следовало бы, т. е. прекратить преподавание, и я продолжал

мои чтения; и потому теперь, оглядываясь на прошлое, с укоризною себе могу сказать, что мои чтения для Великого Князя не имели никакого значения, а если я принес ему какую либо пользу то разве только тем, что он извлек из личного обхождения со мною, так как я ни в чем не изменял моему образу мыслей и никогда не стеснялся говорить и указывать на то, что я думал о текущих событиях; да, может быть, была некоторая польза из моих, так сказать, предметных уроков, о которых я сейчас скажу несколько слов.

Как я уже заметил, первая же проба моя спросить Сергея Александровича из прочитанного показала, что я действительно не соразмерил систему изложения с умственным подготовкою слушателя. Сведения у него были обрывчатые, не связанные единством общей мысли; он не представлял себе ясно, о чем отвечал. Видно было, что он старался добросовестно запомнить то, что было в конспекте, по сущности дела оставалась для него книтою о семи печатях. Вина лежала всецело на преподавателе, который дал ему такую пищу, какую не мог ассимилировать его организм. поэтому я первоначально оценил его ответы списочно и, сколько помню, поставил ему 4. Позднее, пища стала удобоваримее, но он не прилагал уже того усердия к ее обработке, как в начале, оттого и мои отметки выше трех не поднимались, а иногда спускались до 2-х; позже я не ставил отметок, хотя Арсеньев предлагал мне быть строже и даже советовал прибегнуть к оригинальной мере: сказать В. Князю, что я пожалуюсь на то что он ленится Государю. На мое же указание, что эта мера бесполезная, так как Великий Князь легко сообразит, что я Государя не вижу, и что, следовательно, не могу осуществить мою угрозу, Арсеньев ответил, что наверное поверит, что он страшно боится, что отцу сообщат что-нибудь неприятное о нем. Но я этим советом не воспользовался и призрачными страхами не пугал. Притом же, по моему убеждению, неуспех Сергея зависел не от одной лени, а во-первых, от природной недостаточной способности мыслить отвлеченно и даже напрягать в этом направлении свое мышление, а во-вторых, от самого образа его школьной жизни, от необходимости вечно куда-то спешить; от множества отвлекающих его от учения занятий, от необходимости участвовать в празднествах, парадах; затем чуть не ежедневные приемы с подготовкою,—все это такой бульон, в котором бактерии лени и неуспешности культивировались с большим успехом.

Лучше было дело, как я упомянул, с прикладным, наглядным обучением, как, например, с ознакомлением его с судебными заседаниями, с местами заключения. Помню, что для ознакомления с нашею тюремною системою был приглашен, по инициативе Арсеньева, Апатоллий Федорович Кони, который

прочел Сергею Александровичу одну или две лекции о наших тюрьмах. Бэдили мы с ним на саях, на тройке, осматривать петербургскую земледельческую колонию для малолетних преступников за Пороховыми заводами, где при осмотре присутствовал председатель общества генерал-адъютант Николай Васильевич Зиновьев.

Осматривали мы также подробно подследственную тюрьму на Шпалерной. Причем с Сергеем Александровичем, помню, случился такой казус, свидетельствующий, как много еще в нем было детского. Когда мы проходили мимо темных карцеров, я посоветовал ему войти в карцер, чтобы попытаться, каково он производит впечатление на заключенного в него. Когда он вошел туда, я захлопнул дверь и он остался в темноте. Вдруг мы слышим страшный, жалобный его крик. Поспешили отворить и он оказался совершенно испуганный, взволнованный. Не могу сказать, чего он испугался. Боялся ли он, что мы воспользуемся удобным случаем, оставим его там сидеть, или же он просто боялся темноты; но он долго не мог успокоиться.

Предположения Арсеньева о порядке окончания моего преподавания не вполне оправдались. Прежде всего не было, к моему большому удовольствию, экзамена, который вероятно доставил бы мне несколько неприятных минут. Вероятно, это произошло потому, что Государь уехал на войну, да и вообще при дворе было не до того, а потом и сам Великий Князь стал сбираться на Дунай, куда потом и поехал.

3. Анекдотическая сторона преподавания.

Как я заметил в начале, воспоминания о моем проникновении в жизнь придворных сфер не имеют серьезного значения; добавлю теперь, что даже в этой сфере пережитого я отделил существенное, т. е. относящееся к самому преподаванию, и добавлю попутно несколько брызгов памяти, заключающих в себе анекдотические мелочи.

а) Затруднения в швейцарской.

Кому в прошлое, даже в недавнее «буржуиное» время приходилось бывать в высокопоставленных домах в качестве даже не просителя и не прислуги, а хотя бы в виде относительно небольшого интеллигентного служащего, например, учителя, чтеца, переписчика и т. д., тому настоящее анекдотическое воспоминание будет вполне понятно. Правда, когда-то, еще в 1862 г., будучи студентом, я давал уроки физики и математики

Поливанову, племяннику А. С. Норова, готовя его к экзамену в университет, а жил он у дяди на Исакиевской площади, в доме, и поныне существующем, Мятлевой; и вот как-то, помню великим постом, пришел я на урок, позвонил и дверь мне отпер какой-то хроменький старичек, оказалось—сам Норов, который был в передней и провожал кого-то; он осведомился зачем я явился и очень приветливо отнесся ко мне, чуть ли не хотел помочь снять пальто; а в 1877 г., о котором упоминаю теперь, хотя я был уже генерал, ординарный профессор, по весть и подъезд, в который я входил, был самого императора, да и швейцар, с которым я вступал в отношения, был тоже императорский, рослый преображенский унтер, грудь которого была увешена медалями, а мундир был ярко красный, не малиново-красного республиканско-пролетарского нюанса, а кирпично-придворного.

Лекции я читал в комнатах Великих Князей, во втором этаже дворца; к ним надо было проходить через корридор жилых покоев, на который выходили комнаты самого императора, а потом через так называемую «ротонду». В самом отделении Великих Князей чувствовалось просто и хорошо, так как отношения к нам самих князей были воплощенная любезность, а затем приветлива была и вся их прислуга. Но ведь к ним надо было попасть через подъезд!

Входить во дворец надо было с так-называемого подъезда императора, со стороны адмиралтейства. Теперь там перед дворцом устроен прекрасный садик с еще более замечательной, ныне—увы—при последнем разгроме дворца местами поломанною решеткою, тогда же он выходил прямо на замечательно пыльную дворцовую площадь.

Я чувствовал себя особенно в начале весьма неловко при входе, так как если не было никого из подручных швейцару солдат, то снимать пальто приходилось персонально, что, конечно, было стеснительно; не потому, что это бы было трудно, так как я тогда обыкновенно прислуживал себе сам, но именно стеснительно; чувствовалось, что машина скрипит, что ее нужно и можно смазать, а как это сделать—я не знал. При первом подходящем случае, я заговорил об этом с И. Е. Андреевским; он преподавал уже нескольким Вел. Князьям, и я полагал, что он эти порядки знает; он сказал, с свойственной ему некоторой аффектацией, что для нас это очень затруднительно; что на этом подъезде дают на чай по 25 рублей и даже по 40; конечно, в таких размерах чаевые были для нас не под силу. Я подчинился этому указанию опытного человека, но продолжал чувствовать себя неловко. Наконец, я как-то решился и при подходящем случае вручил красному сановнику трехрублевку, и оказалось, что этого было вполне достаточно для установления

нормального порядка вещей. Вообще впоследствии я убедился, что практические наставления Андреевского были совершенно ошибочны. Мне приходилось очень часто бывать во дворцах и на торжественных приемах, и по делам,—и у меня сохранилось совершенно непоколебимое убеждение, что никакое финансовое учреждение не может дать такого большого % дохода, как правильно помещенные умеренные чаевые. При этом величина подкупающей благостыни, т. е. сумма «часовой», не только не играет важной роли, но часто, наоборот, несообразность вызывает насмешку или за спиною, или почти что в лицо; в особенности когда эта щедрость проявляется людьми не особенно богатыми, или получающими вознаграждение за свои труды при дворе. Гораздо более значения имел просто человеческие отношения; исключительно формальный, корректно-английский тип «джентльмена для личных услуг», по крайней мере в дворцовом штате не проявлялся. Прибавлю, что за последнее время, после начала думской жизни России, несомненно, и в отношениях камер-лакеев и прочих чинов дворцовой прислуги к посетителям, стали отражаться и политические настроения, и общественные симпатии к сановникам и полусановникам.

б) Шутка казначея.

Возвращаясь к временам моего преподавания, не могу не прибавить, что после первой чаевой, с дополнением впоследствии на Рождество и на Пасху праздничных, в том же размере, все пошло, как по маслу.

На втором месяце преподавания, когда я уже прочел более десяти лекций, я считал возможным получить вознаграждение. Нужно сказать, что о таком и о его размере мы не говорили с Д. С. Арсеньевым ни слова. Только проф. Андреевский, когда он мне намекал о предположениях пригласить меня для чтения лекций Сергею Александровичу, сказал, что плата за лекции будет около 10 рублей; а плата эта и в то время для профессора была весьма не велика (в расчете около не свыше 800 р. в год), если принять во внимание то количество времени, которое нужно было потратить на подготовку к такому специальному курсу и даже на самое чтение, а в Царском на это уходило время с 10 утра до 5 часов, когда я приезжал домой; поэтому материальная сторона меня мало интересовала. Но, однако, когда я прочел лекций 15, я решил отправиться к казначею за жалованьем. Получать нужно было в помощник, находящемся в том же Зимнем Дворце, вход с подъезда около Зимней канавки, в четвертом этаже. Запасся я удостоверением,

что я прочел столько-то лекций. Отправился, обратился к казначею; он был старенький, седенький, чистенький старичек; объяснил ему, что желал бы получить вознаграждение за преподавание В. К. Сергеем Александровичу. В ответ на это он обратился ко мне с весьма естественным вопросом:—а сколько вам надо получить? Я сказал, что желал бы получить за 10 лекций по 10 рублей за лекцию. В ответ на это последовал с любезной улыбкой совершенно ошеломивший меня ответ: «извините, такого размера вознаграждения у нас не полагается!» Теперь еще вспоминаю, что я сделался красным, как вареный рак и совершенно растерялся, хоть бы провалиться! В виду этого конфуза, он с самой добродушной улыбкой продолжал: «Вы в первый раз хотите получить, вижу?» И на мой утвердительный знак головою добавил: «вознаграждение самое большое у нас по 8 рублей, и по 2 рубля за каждую лекцию на карету!» И с самым любезным видом выдал мне сотенную. Впоследствии при дальнейших получках он благодушно вспоминал об этом моем афронте и прибавлял: «представьте, это не раз случалось; многие новые конфузятся!». А у меня и теперь это воспоминание вызывает представление об одной из больших нравственных неприятностей.

в) Завтраки в Царском Селе.

Когда Двор переехал в Царское, пришлось ездить туда на целое утро. Поездки эти раннею весною представляли большое наслаждение. На вокзале поджидал дворцовый акипаж, который и доставлял во дворец; проезд по железной дороге был тоже бесплатный. Первая лекция была от 11 до 12, потом следовало время завтрака, а вторая была от 2-х до 3-х час.; в промежуток после завтрака я мог с удовольствием гулять по парку; особенно хорошо было в менее парадной его части, прилегающей к станции «Александровской» Варшавской жел. дороги. Завтрак полагался отдельный, так называемый профессорский; но меня с первого же раза В. Князь стал приглашать завтракать с ними. За завтраком бывал, кроме Вел. Князей, почти всегда Д. С. Арсеньев и иногда кто-нибудь еще из приглашенных ими. Завтраки проходили очень весело, разговаривали обо всем, а в кулинарном отношении были очень щитательны; при этом полагался кофе или чай, так что когда я после завтрака возвращался в мою комнату, то на вопрос камер-лакея: не желаю ли я чего-нибудь съесть или выпить, я обыкновенно отвечал отрицательно; но меня удивляла та настойчивость, с которой делались эти предложения, и те все соблазны, которые указывались: не хочу ли я рюмку вина или стакан чаю?—